

Встречи со старыми знакомыми

5

Одно дело смотреть театр новый, впервые себя открывая его принципы, его отличительные черты, его «профессиональные секреты». Созсем иное — вновь встречаться с коллективом давно знакомым. Тут уж и ожидания, и требования, и восприятия другие, основанные на впечатлениях прежних встреч. Вот так, давно и хорошо знают москвичи ленинградский балет театра имени С. М. Кирова.

Знают и хорошо помнят, как несколько сезонов назад ленинградцы привезли спектакли, явные вошедшие в историю советской хореографии, — «Легенду о любви», «Вперед надежды», «Ленинградскую симфонию». Вспоминают недавние впечатления концерты труппы на сцене Кремлевского Дворца съездов. И с особенным удовольствием встречают ведущих мастеров ленинградского балета — Ирину Колпакову и Аскольда Макарова в классических постановках нашего Большого театра — «Спящей красавице», «Дон-Кихоте», «Лебедином озере».

И сейчас москвичи необычайно тепло приветствовали своих любимцев. Еще бы: зная Макарова как танцовщика подлин-

но классической формы, широких профессиональных возможностей, мы наконец увидели его античного, но дышащего чисто современной, созвучной нашим дням героини Спартак. Зная отличную выучку, обаяние, грацию Колпаковой, мы получили новое подтверждение достоинства прима-балерины Ленинграда, глядя на ее Золушку. Разумеется, нет ничего общего между «Золушкой», поставленной в 1949 году и сейчас возобновленной в малолучном оформлении Вруни, и «Спартак» 1956 года и тем, который мы увидели теперь. Оба спектакля обязаны своей сценической жизнью талантиности исполнителей заглавных ролей.

Вообще главное впечатление от многодневных, изобилующих самыми различными названиями ленинградских гастролей — сами исполнители. Не каждая балетная труппа может похвалиться сегодня таким числом высококвалифицированных, поистине даровитых артистов.

Элегантная, броская танцовщица Илина Зубковская. А рядом — исполненная одухотворенной лирикой, аромата романтического балета Нинель Петрова. А рядом — Алла Осипен-

ко о ее блестяще отшлифованной техникой. А рядом — Нинель Курганкина с ее жизнеиздающими, простыми, я бы сказала, демократическим даром. Цельное созвездие характерных танцовщиц — Сапогов, Заботникова, Генслер, Рассадина, Лившиц, Миронов, Павловский. Множество ампула, множество индивидуальностей — ярких, самобытных, но одинаково преданных лучшим исполнительским традициям русской, ленинградской школы.

Здесь есть у кого учиться, на кого ориентироваться. Вот почему известным диссонансом прозвучали в дни гастролей спектакли некоторых молодых артистов. Конечно, выдающиеся молодые — вещь похвальная, необходимая для театра. Но всякий эксперимент оправдан, если он увенчан победой антра. К сожалению, нельзя сказать этого о Калерии Федичевой. Молодая танцовщица нуждается, видимо, еще в длительном и упорном совершенствовании своих данных, а главное — в воспитании чувства стиля и вкуса. Свойственные ей откровенная грубость манеры, излишняя резкость, склонность к демонстрации чисто технических эффектов вступают в прямое противоречие с

принятым в Ленинграде чистым, ясным и строгим исполнительским стилем.

Моисинко, по тоне существующих тревоги вызывает положение в труппе юного премьера Юрия Соловьева. Наделенный от природы поразительной воздушностью, высоким красивым прыжком (что делает его непрезловидным сегодня исполнителем Голубой птицы из «Спящей красавицы») Соловьев, скажем прямо, еще не владеет тем разносторонним праском, антраксом и танцевальными, которые необходимы, чтобы вести большой многоактный спектакль. Ему тоже предстоит еще немалая работа, чтобы завоевать действительное право на главные роли «Лебединого озера», «Золушки» и других спектаклей своего репертуара.

Однако, если среди молодежи есть солисты, которым еще надо расти и учиться (что вполне естественно для исполнителя в начале творческого пути), то кордебалет во время гастролей выглядел безукоризненно. Ничто — я бы обиле спектаклей, ни трудные условия гастрольной поездки и непрерывность огромной сцены Дворца съездов не помешало кордебалету обнаружить согласованность и тщательность танца.

Оттого, наверное, так торжественно прозвучала здесь классика. Тонкое, поэтическое, очарование, «излучаемое» танцами фантастических сильфов «Шопенианы», стримительные крылатые перестроения лебедей, словно вобравшие в себя, асимпел музыка Чайковского, поразительный в ясности и мудрой простоте акт явления Теней из «Баядерки»

— все исполнялось не только как безупречно разученный текст, но с живым, одушевленным пониманием особенностей стиля каждого балетмейстера. Давно нет в живых Мариуса Петита, Льва Иванова, Михаила Фокина. Выросло не одно поколение их коллег, чьим именам в программах ленинградских гастролей предшествуют длинные титулы и почетные звания. А вот Петита, Фокина, Иванова фигурируют без званий, но их создания и сегодня живы, и сегодня подымают нас своей властной художественной фантазией.

Быть может, именно оттого, что ленинградцы так щедро представили в своих гастролях классическое наследие, мы с особенной требовательностью, невольно сопоставляя, сравнивая, делая вполне определенные выводы, отнеслись к показу спектаклей, созданных в последнее время.

Пожалуй, нет надобности сегодня говорить о «Медном всаднике» — спектакле, построенном на крайне ограниченной хореографии, соединенной с бытоподобными пантомимами, спектакле, поставленном много лет назад и с тех пор так сильно устаревшем, что его демонстрация в Москве выглядела непонятным курьезом.

А вот самые последние работы театра важны потому, что позволяют хотя бы отчасти отгадать, куда и как ведут коллектив, на какие образы ориентируются исполнители, каково направление сегодняшних исканий ленинградцев. И не сирому, сама направленность современных опытов ленинградского балета тревожит. Только что выку-

щенный, дважды показанный москвичам балет, навеянный новеллой Стейнбека «Жемчужина», до обидности лишен сколько-нибудь серьезной мысли (между тем произведение Стейнбека озарено идеями большими и актуальными). Непрерывный поток танцев, в которых самым странным образом совместились приемы мюзик-холла, черты некоего модного ныне «провинциального» модерна и (что опасней всего) «элементы, похищенные из целого ряда истинно новаторских постановок последних лет, вызывает лишь одно чувство — недоумение и боль за театр, который явно отсутствует от своих былых традиций борьбы за высокую образность и реализм. Конечно, нельзя делать столь серьезные обобщения на основе одной постановки (могут быть неудачи в жизни даже прославленного театра). Но вот другая премьера.

Не будем даже говорить о том, что в большой поставленной Л. Яковсоном программе «Русские миниатюры» номер «Жар-Птицы» меркнет в сравнении с «Жар-Птицей Фокина, а «Баба-Яга» не выдерживает сопоставлений с одноименной постановкой Лопухова. Допустим, что «Русские миниатюры» не нуждаются в столь ответственных сравнениях. Но и тогда (за исключением, пожалуй, давно сочиненного и известного раньше соло Снегурочки на музыку «Мимолетностей» Прокофьева) останется очевидной та примитивная, вступающая в противоречие с музыкой Стравинского, Мусоргского, Щедрина стилизация «в ля рус», то отсутствие чувства меры и непосред-

Е. ЛУЦКАЯ.

МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ

17 августа 1965 г. 3 стр.